Усадьба начала XIX в.

Три поколения архитекторов Бакаревых оставили обширные рукописные и исторические материалы. Из них наиболее интересны «Записки» Владимира Алексеевича Бакарева (1800—1872 гг.). Его отец, А. Н. Бакарев, был учеником крупнейшего русского архитектора XVIII в.— М. Ф. Казакова. В. А. работал архитектором в усадьбе кн. Куракина в 1820—1828 гг. Приводимая нами часть «записок» рисует быт и экономику дворянской усадьбы начала XIX в. Естественно, что Бакарев, приближенный князя, рисует его личность в преувеличенно восторженном тоне. Однако его «записки» содержат целый ряд фактических данных, полезных для историка, начиная с указания огромной убыточности имения, которая покрывалась за счет государства предоставленной Куракину рыбной арендой. «Записки» Бакарева хранятся в Государственной академии истории материальной культуры. Подготовлены к печати Н. А. Кожиным.

Из записок архитектора В. А. Бакарева

Но обращусь к К[уракину]; ...посмотрим как хозяина, как дворянина — и тут много кое чего найдется, о чем можно с удовольствием поговорить.

В отношении хозяина, князь имел состояние; если взять в соображение его знатность происхождения, его представительность и те посты, какие он занимал в государстве, то состояние его было весьма ограничено, хотя всех крестьян было у него до 5 000 душ, если даже не менее; но они не могли удовлетворить его нужд, так, если бы не аренда рыбных ловль в Астрахани на Волге (пожалованы ему покойным государем Павлом Петровичем), то ему бы нельзя было бы жить так, как приличествует жить столбовому боярину и верховному сановнику русскому; и потому-то после его кончины осталось долгу до 7 млн. руб. Прежде нежели об'ясню причины такого долга, должен сказать, в чем и как устроено было его хозяйство. Главное имение находилось в Орловской губернии, Малоархангельского уезда, в 5 от г. Орла и в 18 верстах от Малоархангельска; через него проходила почтовая дорога из г. Орла в Малоархангельск, и другая — большая Киевская дорога. Состав этого имения заключался в 4 000 душах, все они были на барщине, при обрабатывании полей, на работах в усадьбах и на винокуренном заводе; в этом количестве душ заключалось более 1 000 тягол, и до 800 душ обоего пола и всех возрастов дворовых людей.

Администрация имения состояла: из главноуправляющего, главной вотчинной конторы, которая была в зависимости от главного управления, но все действия свои производила не иначе, как по предписаниям и постановлениям князя, которому доставляла отчеты по имению: недельные, ежемесячные, полугодовые и годовые. В этих ведомостях показывалось все, начиная от самой важной вещи до самой ничтожной; и надо присовокупить, что иногда отчеты были так огромны, что за отправление по почте платили несколько десятков рублей. Для показания сущности сих отчетов стоит только сообразить, что князь каждую ведомость читал с начала до конца; вот тому несколько доказательств (они остались у меня в памяти, потому что довольно забавны): против статьи одной ведомости князь написал: «Не удивляюсь, что так много израсходовано квасу: вероятно, им потчуют разночинцы гостей своих, приходящих в непозволительное время»; в другой: «Для составления чернил отпущено из уксусного завода погону ведро; человек, которому это поручено, половину погону употребил для себя с приятелями» (здесь подразумевается, что делатель будто выпил погон вместо водки, но погон этот был уксусной). Таких и подобных им замечаний не было конца; князь говорил: «Если я взыскиваю за малость, то что должны ожидать, когда я взыщу за большое». Нельзя, он был человек, а человек и умный может ошибаться, с тою только разницей, что его ошибки могут быть вреднее ошибок глупца. Такие взыскания и замечания заставляли начальство имения быть весьма осмотрительным, ибо у князя ничего не ускользало из виду: если вы взяли десять гвоздей, то обязаны дать отчет, куда именно и для скольких досок или тесу,— иначе с вас взыщут

[1] Слова: «денежных средствах» рукою Н. Н. Селифонтова написаны на полях.

[2] Тимашев А. С., ген.-лейт. (1818—1893 гг.). В 1868—1872 гг. был министром внутренних дел.

[3] Слова: «через комитет министров» рукою Н. Н. Селифонтова написаны на полях.

без церемонии, кто бы вы не были. Если вам нужна деревянная ложка, напр. для госпиталя, для кухни, для стола, то вы должны принести осколок старой ложки, без чего новой ложки вам не дадут, и, сверх того, вам хотя и дадут новую ложку вместо изломавшейся, но не иначе, как по требованию, подписанному смотрителем; требование вы доставьте прежде всего в главную вотчинную контору, там его рассмотрят и утвердят, с ним вы отправитесь к тому ключнику, у которого хранятся как новые ложки, так и старые, к концу дня ключник приходит к помощнику бухгалтера и показывает требования, по которым он отпускал вещи, а этот сверяет их и записывает в приходо-расходную алфавитную книгу. Если нужны веревки, то таже история; принеси хоть клок, да старые. Целые кладовые наполнены были старыми изломанными и ни к чему негодными вещами, как-то: осколки деревянных лопат, ложек и пр. и груды обрывков всех сортов веревок, и всему этому велись счеты, и все это показывалось па отчете — по ведомостям. Вот на чем вращалась администрация; как поступалось с ничтожными предметами, так точно обращались и с большими. Одним словом, никто не мог поступить вопреки установлений и вновь насылаемых распоряжений; всякое место и всякое лицо были один с другим связаны ответственностью. Никто не мог действовать самовольно или свыше данной ему власти, все имение представляло паутину, а князь ее центр. Князь знал все, даже и то, что ему знать не следовало бы.

В имении находились фабрики: суконная, коверная, кружевная и швейная; все три последние работали для домашнего потребления; первая же действовала отдельно, под особым управлением, и содержала себя на свои обороты, которые однако не весьма были цветущи, и потому заставили Куракина впоследствии времени закрыть фабрику при понесении убытка до 150 тыс. руб.

Сверх фабрик были заводы: винокуренный, паровой, который устроил Полевой (меня уверяли, что не брат, а сам писатель, который всем известен. Однако я его видел один только раз, и он очень похож на портрет, который я впоследствии видел...). Завод этот также управлялся отдельно, но как и суконная фабрика под главным начальством главной вотчинной конторы; второй конской, состоящий из более нежели одиннадцати маток с двумя прекрасными английскими жеребцами, из коих одного («Олень») привели при мне; он долго имел привычку, стоя в стойле, качаться, что говорили произошло от корабля; за него Куракин заплатил семь тыс. рубл.; третий овчарной, на котором овец было до 3 тыс. голов и до 1 000 голов рогатого скота, который размещен был почти во всех имениях; четвертый — скотные дворы с прекраснейшими коровами; одна корова, купленная для заводу, заплочена была тысячу рублей, и, признаюсь, что я подобной сй корове до сего времени не видал; я помню, что она принесла телушку, которая с матерью лежала в прекрасном отделе, и обе они представляли обворожительную картину. Князь был страстный охотник до коров, и их берегли пуще глазу; и пятый — была пасека, т. е. пчельник в прекрасной, почти девственной или первобытной роще, разбросанной по берегам крутого и романического оврага. Роща эта отстояла от резиденции имения, т. е. от села Куракина, верстах в 5, и находилась в стороне, не соединялась ни с какою усадьбой: мне только один раз случилось быть на пасеке, и нас едва было не с'ели пчелы, но какой мы ели мед (соты), то признаюсь, что ничего не может быть лучше и здоровее; это был какой-то аромат, это была просто манна. Уверяю всех и каждого, что соты, если их есть на пасеке, то это ничем изобразить нельзя; я пробовал есть соты привозные в Москву,— они казались мне каким-то медикаментом.

В отношении роскоши имения, то она была в особенности в садоводстве; здесь были сады: фруктовые (с которых получалось до 2 000 рублей доходу), английские рощи, обращенные в сады, ботанические и рассадники для всех кустарных деревьев; любимым деревом князя был тополь душистый, серебряный и итальянский, или тульчинский (пирамидальный), целые огороды с грядами превосходнейших сортов клубники. Померанцевые оранжереи, в которой были папельмосы о 3 000 и 4 000; я видел, что два снятых папельмоса и сваренных в сахаре едва помещались в огромной суповой чаше. Оранжерея эта была с одной стороны двухсветовой большой залой, а с другой ее стороны был зимний сад,— зимою двери зала растворялись в обе половины, и я помню, что видимая от того картина поражала всех. В зимнем саду при 20 градусах мороза цвели цветы, зеленели липки и другие деревья и порхали птички, распевая свои неподражаемые песни. В отдельном длинном каменном корпусе помещались персиковые, абрикосовые, сливные и вишневые деревья. Две большие ананасные теплицы и при них воздушные парники, в которых произрастали прекрасные арбузы и дыни.

Сады резиденции стояли на прудах, из них в главном или, как он назывался, в Красном, где он находился, тут прежде было болото, поросшее большим тростником, в котором лавливали лисиц,— этих он [Куракин] сам травил, когда был молод. Пруд Красный точно был красный; в нем всегда вода стояла в полноте — чистая без тростника, зеленого цвета, местами пруд был очень глубок; он наполнялся водой истоком речки Масловки, которая через него струилась; пруд был огражден с двух сторон гатями и плотинами;

в нем водились огромные карпии; последних саживали в пруд из реки Неручи — осенью — от 600 до 700 штук, чему я был неоднократный свидетель; в первый раз это меня поразило, но после я узнал, что карпии в реке Неручь более, нежели в другой реке.

Каждую субботу был в селе базар, на котором, кроме сельских изделий и полевых произрастаний, продавалось: сахар, чай, кофе, овощные и бакалейные товары, а также ситцы, коленкор, ленты, серьги, кольца и пр., для чего устроен был большой корпус, в котором помещался постоялый двор с приличными квартирами; на базар с'езжались купцы из г. Малоархангельска и из других соседних городов. На базар вывозили даже сукно и притом очень изрядное; одним словом, на базаре можно было купить все нужное для обыкновенной жизни, кроме роскоши. На базар с'езжались из дальних мест крестьяне и даже мелкопоместные помещики; у содержателя базара можно было во всякое время достать ром, виноградное вино (конечно, средственное) и особенно донское городское, которое было превосходно: оно было густое, красное с игрою и платилось по пятиалтынному за небольшую бутылку. Содержатель базара имел ежедневно открытую овощную лавку, платил за все сие порядочную сумму с правом отдавать лавки в базарные дни приезжающим и получать за то плату. Учреждение этого базара доставляло многие выгоды и удобства жителям, которые большею частью состояли из дворовых людей и разночинцев. Кроме вышепоименованного, продавались: иконы в ризах и без оных, табак обоих сортов, сапоги, башмаки, шапки, шляпы, ружья, порох, дробь, дичина, платки, помада, даже духи, конская сбруя, одежда; летом арбузы, виноград и пр. фрукты, даже персики и абрикосы, деревянная посуда, деготь, слесарные, кузнечные вещи и пр. Базарный день — был днем отдыха для всех и каждого, его нередко посещал и сам князь; даже на нем были такие вещи, которые вдруг могли быть нужными: я помню, он при мне велел купить несколько кусков коленкору для сделания из него живописных стор в окна. Базар знакомил людей, и некоторым образом действовал на образованность их, в чем главную роль играли люди князя, ибо они приезжали и уезжали с ним в Петербург и оттуда привозили новые покрои платьев, новые обычаи в жизни, что все замечалось сельскими жителями с жадностью и постепенно вводилось между ними; иногда это распространялось даже на самих помещиков разумеется, тех которые безвыездно жили в деревне, но подражания эти доходили иногда до смешного.

Во всем Орловском имении было пять церквей (из коих одна домовая), две из них были в селе Куракине: одна круглая летняя, другая продолговатая — зимняя; одна в селе Александровском и одна в селе Алексеевском (мною выстроенная вместо бывшей деревянной). Круглая была не только великолепно украшена снаружи и особенно внутри: она замечательна была и по тому (ценному) своду, который покрывал ее внутренность и разделял высоту ее на две части, что поистине представляло прекрасный и вместе поразительный вид. Не знаю, кто делал рисунки этой церкви, но построена она была до меня за 30 лет И. Емел. Измайловым, который однако не был никогда архитектором, но более 50 церквей выстроил в свою жизнь, и это истинная правда. В воскресные и праздничные дни обедни пели певчие, у которых были прекрасные голоса, особенно женские.

В имении ежегодно приготовляли: прекрасный кирпич жженый; делали сырцовый без обжога кирпич, который употребляли для холостых строений и заборов и клали на глине. Кирпич этот приготовляли так: избиралось место, изобилующее вязкой, красной глиной, которая накапывалась ручными железными лопатами и ломами и сбрасывалась в яму, в эту же глину прибавляли рубленой соломы и песку, и все это поливалось водой и мялось быками, покуда не обратится все это в одну массу; потом выносили сию глину из ямы и наполняли ее деревянные станки, состоящие из четырех досок; длина кирпича простиралась, смотря по качеству глины, от 8 до 10 верш., а толщина и ширина — соразмерно длине. Изготовленный таким способом кирпич клали по земле с продушинами или с промежутками и постепенно высушивали на солнце; иногда таковые кирпичи были так крепки, что их обсекали топорами, если где нужно было убавить их величину. Построенные из сырцового кирпича холостые строения на каменном фундаменте и покрытые соломой на глине с известью существовали, без больших починок, от 12 до 20 лет, чему я был очевидный свидетель.

В двух хозяйствах имения были устроены превосходные и даже богатые ветряные мельницы; одна из них — огромная каменная, на ней вымешивалось разного хлеба от 50 до 60 четвертей в сутки; сверх того были крупчатки и маслобойный завод (водяные мельницы были ничтожны и принадлежали более крестьянам).

В состав хозяйства входили мастерские: столярные, слесарные, шорные, кузнечные, малярные, стекольные — и в них были отличные мастера, особенно столяры и слесаря; все эти мастерские заняты были экономическими работами, как новыми, так и починкой старых предметов; в мастерских делали даже мебель из дубового дерева и возобновляли старые экипажи, которыми огромные сараи набиты были, кроме тех экипажей, которые употреблялись князем, его семейством, управляющим и чиновниками.

Я уже сказал, что в церкви пели певчие, они были и музыканты; все они до-

стались князю после брата его Степана Борисовича, который был любитель музыки и которого музыка едва ли не первая была в Москве; в числе их были и вновь обученные и были такие, которые игрой своей доставляли удовольствие.

Надо присовокупить, что каждый певчий и каждый музыкант имел сверх того какую-нибудь должность по экономии: так, напр., некоторые были смотрителями при домах, кладовых, при лесных материалах, учителями в училищах, официантами, дежурными при домах и в прислугах у приезжих гостей; из них некоторые были парикмахерами; певчие же девицы занимались на швейной фабрике.

Из произрастаемых в имении фруктов варились превосходные варенья, не уступавшие киевским, — все приготовлялось своими мастерицами или мастерами кондитерского искусства.

Огромные два подвала наполнены были прекрасными винами (виноградными) всех почти сортов и качеств.

Главный доход имения состоял в значительной продаже зернового хлеба, особенно пшеницы (рожь же почти вся употреблялась на винокурение и на продовольствие дворовых), пеньки, конопли и гречихи и от поставки в казну вина. Каждую осень и весну приготовлялось огромное число сажень болотного торфу, который весь употребляли на завод и на топку кухонных печей, ибо Орловская губерния — безлесная, так что в имении князя всего на всего лесу было — и то дубового — до 1 000 десятин, что в отношении почти 30 тыс. десятин было ничтожно.

На каждую дачу, на каждое отдельное в нем хозяйство имелись подробные и верные планы — так Дубовицкую из них дачу, содержавшую около 8 тыс. десятин, снимал при мне отставной землемер Н. Ф. Фомин. Он также делал с'емки и с других частей имения; и беда ему была, если где-нибудь пропущен был мостик через канавку, или самая канавка, хотя бы она была ничтожная: до того внимателен был князь и аккуратен. К счастью еще, что землемер Фомин был преаккуратнейший человек и притом совершенно знающий свое дело. Каждому строению, какое где находилось в имении, непременно был и план, а иногда и фасад; всем строениям имелся у князя составленный мной альбом, которого листы были одинаковой формы и меры — масштабы изменялись смотря по величине строений; все рисунки альбома сделаны были в красках и большая часть их с воздухом и декорациями; в числе сих рисунков, состоящих кроме церквей, домов, оранжерей, беседок, скотных дворов и пр., помещены были фасады целым селениям (например, Мокрецам или Борисоглебску), где почтовая станция по Киевскому тракту. Рисунки эти составлялись мною в свободное время (как указано было в предписании на имя мое), всех их составлялось, — считая, по крайней мере, на каждый год, примерно 36, — до 280 если не более.

Когда предполагалось что-либо произвести вновь или что уже было начато, то потребные для того материалы отпускались не иначе, как по требованиям, доставляемым в главную вотчинную контору, а по хозяйствам — в местные конторы; этот порядок строго соблюдался, как по строительной, садовой, так и по всем прочим частям, составлявшим состав экономии. На каждое лицо, заведывавшее малым или большим каким бы то ни было изделием, мастерством или хозяйством, должно было отдать полный и подробный отчет в отпущенных ему материалах, вещах и в числе работавших людей, как временно насылаемых и постоянно у него занимавшихся рабочих мастеровых. Все же таковые работы не иначе производились, как по годовому бюджету, т. е. по предварительному назначению и ассигновке суммы, и всякий предмет разрешался (если он был новый) предписанием князя; одним словом, все действия экономии производились систематически по правилам, единажды принятым, и изменялись также одними только предписаниями князя.

Сверх улучшенного садоводства и хлебопашества при резиденции были учреждены: прекрасные огороды с парниками, хмельники и бакши; на сих последних произраставшие огурцы сдавались на откуп; хмель же поступал на винокуренный завод; овощи, арбузы и дыни — частью для стола и госпиталя, а частью продавались на базаре.

Из добываемого со скотных дворов скопа молока изготовлялось превосходное чухонское или сливочное масло, а также и коровье; сверх того, приготовлялся домашний сыр, но оный до тех пор был хорош, покуда его делала своя крестьянская баба; когда ж устроили завод и поручили его швейцарцу, то весь изготовленный им сыр сгнил и выброшен вон; от сего завода убытку понесла экономия до 5 000 р. ассигнациями. Огромное пространство земли было изобильно болотами, где водились во множестве разных сортов красная дичь, как-то: бекасы, вальдшнепы, дупеля; кроме диких уток, чирят (маленьких уток), гагар и гусей, в полях же стадами витали: дрофы, стрепеты, перепела, голуби и др.; дичи столь изобильно было, что свой ученый егерь в два месяца набил оной (и то одной только красной) более нежели 700 штук, которые все употреблены были к столу князя. За исключением птиц, травили зайцев, но не иначе, как с позволения; никто не смел во всем имении князя ни стрелять дичи, ни травить зайцев и лисиц, которые также водились, но в очень малом числе, а об волках слышно было только в лесистых местах и то редко; стреляли дичь один егерь и лица, имевшие на то право; посторонним же никому не дозволялось; травлю зайцев делали одни приказчики, охотники, имевшие у себя собак.

и некоторые из почтеннейших дворян соседей, которые однако делали сие не иначе, как в год один раз и всегда в присутствии управляющего. Я несколько раз был на стрельбе дичи в болотах и на травле зайцев в поле; обе сии охоты не возбудили во мне никакого к себе пристрастия; другие же товарищи мои были вне себя от пойманного собаками зайца; особенно это поражало помещиков соседей, тут они начинали говорить, ибо во всем другом они совершенно бессловесны. Многие из моих сослуживцев имели собственные ружья, но они стреляли почти на ветер; егерь (старик) Егор, или как его прозвали «леший», был такой мастер в стрельбе, что убивал разом двух птиц (из двухствольного своего ружья) и при том тех самых птиц, по которым дано было господами один за одним несколько пуделей, т. е. выстрелов, не попавших в предмет.

Князь желал, чтобы в экономии его все было то, что может служить к ее пользе; на сем предположении им были заведены: плужные хозяйства, трехпольные поля; посев клевера, веяльные и молотильные машины, по новым системам овины, посев льна, белильни полотен, породы тирольских коров, разные породы домашней птицы; разведены были всех возможных сортов и наименований ягоды, фрукты и цветы. В имении безвыездно жил очень хороший живописец (ливенский мещанин) Тихон Иванов, который расписывал то церкви, то дома, то писал прекрасные в окна транспаранты, и его живопись тем только и была хороша, что он сам работал.

На даче «Кинь грусть» был зверинец, в котором содержались олени и кролики.

Кладбища, бывшие на большой дороге, перенесены в стороны от оной.

Деревня Мокрецы — Борисоглебск тоже на большой Киевской дороге, в 55 вер. от Орла и в 7 от резиденции, т. е. от села Куракина, имевшая 60 домов, вся построена по высочайше утвержденному плану, и каждый дом имел свой фасад, различный от других, так как деревня сия имеет станцию (крестьяне же оной все почти извозчики как при возке пассажиров, так и при возке разных тяжестей во все стороны по России). А потому князь намеревался построить станционный дом с гостиными помещениями, на что уже последовало высочайшее разрешение (как перестройка всей помянутой деревни, так и проект станционного дома произведены были мною), впрочем он не был построен, хотя фундамент и был сделан: дело остановилось за смертью князя.

В селе Липовка, Алексеевское тож, князь построил на свое иждивение каменную церковь, которую я и окончил с оштукатуркой внутри, освящена же она была в небытность уже мою при экономии; на постройку ее пошло одного кирпича более миллиона,

В селе Каменка добывался прекрасный дикий (гранитный) камень, который однако более употреблялся в фундаменты, нежели в наружные работы. Торф, добываемый в болотах, в одном отведенном для того месте сжигался и обращался тем в красный порошок, который употреблялся на посыпку дорожек садов, а частью на краску из масла железных и деревянных крыш, на которых довольно долго держался.

Из винного погона приготовляли прекрасный уксус в особо устроенной для того теплице — его даже продавали за ведро до 2 р. Все проезжие дороги как почтовые, так и те, кои соединяли главные пункты хозяйств, были окопаны и обсажены березами и ракитами, что представляло безопасное сообщение зимой и прекрасную защиту от жара летом. Мосты верстовые и проворотные столбы были образцовые и всегда содержались в отличной исправности, как равно и самые дороги.

В селе Александровке 30 августа была ежегодно узаконенная ярмарка, на которую с'езжались окружные дворяне и купцы с товарами из ближайших городов.

В городе Орле на Московской улице был дом, в котором жил Иван Федорович Михайлов, он исполнял все комиссии князя, относящиеся до имения, как его, так и дочери князя графини Зотовой (дом сей построен мною, он был поставлен на каменном фундаменте с мезонином и балконом на колоннах). Все усадьбы, все сады, все огороды, все пастбища были обнесены живыми заборами, канавками и глубокими рвами. Резиденция, село Куракино, в ночное время охранялась 25 сторожами при чугунных досках, над которыми наблюдали очередные из дворовых людей, обходчики и конные об'ездчики — это составляло милицию, над которой имел заведывание как равно и за пожарными инструментами так называвшийся полицеймейстер и при нем помощник; оба они были чиновники, служившие в военной службе. Улицы усадьбы украшались палисадниками пред домами с деревьями тополя, по другим улицам были бульвары.

Ни цель сих моих записок, ни время, ни даже место не дозволяют мне распространить описание всех помянутых уже частей экономии, так и других, которые входили в состав оной. Но чтобы дать несколько понятия, в каком все это было виде и изобилии, стоит только вспомнить, что граф А. А. Аракчеев, посетив имение князя в 1824 году, отозвался об оном с большою похвалой и нашел его в отличном положении. Об тех же лицах, которые приезжали в гости к князю или по делам службы, то их удивление к обширности и устройству экономии можно смело отнести или от обычая хвалить все, не понимая ничего, или же из предосторожности прослыть профанами бояр судить — ибо не надеялись отстаивать свои суждения, а другие, как невежды, из одной мести. Но я знал людей, из них одни говорили: «У

вас (или здесь) недостает только зеленой лошади и птичьего молока»; другие: «Только князь Алексей Борисович может иметь это... и это...»; иные: «Да, правда, здесь так хорошо, что не расстался бы, но вот беда: здесь только можно гулять, наслаждаться приятно, спокойно, но не приобретешь избытка... Здесь... никто столько не заботится ни о чем, как сам почтенный хозяин — иначе вся гармония экономии исчезнет без возврату» (что после смерти князя и было). Все они говорили сущую правду, более или менее близкую к истине. Сами постоянные жители туземцы почти все не могли нахвалиться и налюбоваться, во-первых, прекрасным хлебопашеством, скотоводством и многими другими жизненными удобствами, которые им почва земли и климат страны изобильно давали; во-вторых — приятными местоположениями, прекрасными жилищами своими, богатейшими господскими усадьбами, представлявшими вроде маленьких местечек.

Сам князь говаривал, что село Куракино — «парадиз», и подлинно он не ошибался в этом нисколько. Не говорю о весне: это время там истинный рай,— лето несколько жарко, осень бывала обворожительна, редко ненастна, но даже самая зима с ее вьюгами, непроезжими дорогами и иногда жестокими морозами (не помню, в какой именно год, 6 января был сильный ветер при 50`градусах мороза) много имела своего приятного, ибо во время зимы и природа и люди отдыхали. Если и работали, то только для сбыта прибытка. Притом же зима там поздно начиналась и рано сходила. Не было праздника пасхи, чтобы женщины не ходили в одних платьях (это мне очень памятно). Правда, летом бывали грозы и нередко большие и нередко производившие пожары, об смертности от молнии не было даже и слухов. Бывали грозы с градом, но милостию божиею эти случаи были также редки и всегда местами или полосами. Бывали ранние морозы, которые поражали, но также не везде, но главное — от них страдала гречиха. Об эпидемических болезнях не было и слуху. Народ вообще был здоровый, хотя и не слишком рослый; общий тип был: русый цвет волос; более темно-голубоватые глаза; походка смелая, речь с мыслью, выговор и наречие приятные — с какою-то неиз'яснимою учтиво-робкою живостью; более трезвой жизни и довольно трудолюбивые, нравственность обыкновенно крестьянская, но более похвальная, и особенно в зажиточном быту; было несколько молокан и скопцов, но об сих сектах почти и не слышно было, так они ничтожны были.

Число обоего пола дворовых людей простиралось до 800 душ, то и следует пояснить, почему составилось оное: после смерти брата Степ. Борисовича досталась К. музыка, большая часть музыкантов были семейные, и уже немолодых лет, а также и другого рода дворовые люди; потом такие же точно люди достались ему после смерти другого брата Александра Борисовича; одних он отдал сыну своему Борису Александровичу, себе же оставил более семейных и уже в летах бывших людей. Сверх того при Орловском имении у него свои были дворовые люди, как доставшиеся от родителя его, так и вновь взятые им до получения упомянутых наследств; от всех этих трех дворен в течение 50 лет образовалась одна каста дворни в числе до 800 душ. Но все они более или менее приносили собою какую-нибудь пользу своему владетелю; например, все из них начиная с 12 (почти) до 65 лет были у дела: мужчины находились писарями в конторе имения, достойные из них были давно бухгалтерами, архивариусами, стряпчими, приказчиками, смотрителями, потом из них же образован был прекрасный хор певчих и оркестр музыки; затем — прислуга, как-то: официанты и все камердинеры, лакеи, повара, кондитеры, ездовые, берейторы, конюха, садовники (два старших и прекрасно знавших свое дело), огородники, скотники, столяры, кузнецы, слесаря (один из них удивительный мастер был), фельдшера и лабораторщики, мастерицы, егеря, птичницы, коровницы, мастерицы сказанных фабрик — девки на тех же фабриках; суконщики, прачки, пасечники, рыболовы, лесничие, пенсионеры, вдовы, кондитерши, швейки, портные, парикмахеры и пр. и пр. Все эти люди и лица были заняты своей должностью, своей работой, так что никого из них убавить или исключить не было возможности, ибо все они составляли звенья целого здания. Впоследствии все это было разрушено. Все эти люди помещались в слободах, для них собственно устроенных... И если князь видел громадность оной, и что она его почти разоряла, но не мог долго решиться на убавление оной по сим причинам, а именно: одних не мог он отменить, ибо они были необходимы для собственного его лица; 2) другие были необходимы для существования его экономии; 3) за преклонностью лет, тех из них, которые служили еще старшим его родственникам; 4) за вдовством и 5) по необходимости иметь при доме прислугу, приличную его сану и званию, а музыку и певчих для удовольствия. Но за несколько лет до кончины своей князь начал селить тех дворовых, кои были взяты из крестьян и по роду своих занятий не переменили первоначального своего быта и привычек; он им дал отдельные земли и большие льготы; этим он избавил себя от многих тунеядцев, а к хлебопашеству прибавилось значительно рабочих, постепенно и нечувствительно от него отторгнутых временем и случаем.

Умножение дворовых иногда происходит и от того: природные способности, заставляющие приближать к себе столь полезных людей, но главное фаворитство и родство с фаворитами. В отношении дворовых князь имел свою политику, он видел и понимал, что многие из них освоили себе мысль на уважение других как по летам

своим, так по заслугам, а наиболее по умственным способностям, которым князь обязан многим в продолжение своей свыше семидесятилетней жизни; как по сему, так и по собственному сознанию верной и усердной их службы он постановил навсегда и об'явил это в приказе по имению: что такие-то лица приобрели навсегда его личное уважение; другие освобождаются от всяких штрафов и взысканий, третьи — от ругательств и побоев, четвертые — от телесного наказания. Следовательно, каждый из дворовых видел, как отличается верная и усердная служба и тем вместе старался достигать степеней подразделения отличия и боялся очень своротить с какой-нибудь из оных, ибо князь в сем случае был очень строг: бывали примеры, что провинившиеся лишались его милостей и обращались в первобытное состояние, а иногда поступали в солдаты; главной причиной к тому были — пьянство, которого он не мог терпеть, и доказанное воровство.

В отношении хлебосольства оно было в полной мере русское. Ежедневный обед, — ужина никогда не бывало,— начинался во всякое время года в три часа и состоял без гостей из горячего, холодного соуса из зелени, из жаркого и хлебного,— после подавался дессерт: летом ягоды со сливками, простокваша с разными прибавлениями и фрукты; зимой: варенье, сушеные фрукты и орехи; за столом всегда стояло виноградное превосходное вино, олонецкое и мценское пиво, первое покупалось прямо с корабля, а последнее доставлялось из Мценска и было так превосходно, что я уже нигде подобного не пил. В постные дни были рыбные блюда за столом, но это было тогда только, когда князь получал рыбу из астраханских своих ловель; круглый год стол был скоромный, кроме первой и последней недели великого поста. Когда же были гости, то к столу подавали вместо одного по два блюда каждого кушанья, и редко оно чем-либо отличалось от ежедневного стола, потому к столу подавались и без гостей различные блюда с кушаниями разных именований и вкусов; все это делалось по запискам метрдотеля, утвержденным князем, и всегда сообразно с временем года и дням, для которых оно готовилось; следовательно, стол всегда был сытный, вкусный и деликатный; таким столом нередко князь угощал нечаянно приехавших гостей и притом тогда уже, когда не было средств изменить назначенные к столу блюда; когда были гости, то за столом подавалось вино с подноса в рюмках: мадера, эрмитаж, рейнвейн, а иногда и шампанское и всегда почти розовое. Князь же кушал пять блюд кушанья, которые все вдруг подавались на стол в особо сделанном для того фарфоровом судке и состояли в столь легких кушаньях, что их можно было давать грудным детям; это происходило оттого, что у князя вовсе зубов не было, а если и были, то мало и все ненадежные (но искусственных не носил), а главное — он был великий диэтист и без совета доктора ничего не делал; кушанья запивал водой и шампанским. За столом всегда играла духовая музыка, в дни имяний его или супруги его — инструментальная, которая помещалась в зимнем саду, бывшем рядом со столовой.

Князь любил угощать, и его надо огорчить было, если не взять какого-либо кушанья; мне случалось, по его поручению, угощать гостей, сидевших далеко от князя, и он беспрестанно присылал камердинеров напоминать мне, чтобы я угощал хорошенько гостей. Но закончу о хлебосольстве: все приезжие и их прислуга, даже лошади, были всем довольны в изобилии; иногда другие гости живали по несколько дней и по несколько раз в лето; каждому из них отводилась прекрасная квартира — отдельная, наполненная всеми удобствами и потребностями; всякому гостю назначалась прислуга, а в случае надобности — экипаж. Всякому гостю ежедневно подавался утром кофе или чай, завтрак и ужин (если кто из них ужинал) и притом с приличным вином. Приезжали и такие гости, кои лечились у докторов в экономии и, разумется, жили на счет князя.

О лицах аристократических, посещавших князя, скажу в своем месте. А здесь только упомяну о дворянах, соседях князя, из которых многие были едва ли не хуже последнего лакея князя. Все они были такие невежи, такие дураки, что было совестно; но как бы то ни было, со всеми умел князь обходиться и никого из них ни словом, ни делом не отчуждал от себя; даже заметно было, что он старался сблизить их с собой и тем самым сколь возможно обтесать их пустые башки; но они до того одичали в своих захолустьях, что походили более на медведей, нежели на людей; когда они входили, когда растворяли рты, чтобы промычать какую-нибудь пошлость, глупость или когда они садились за роскошный обед князя, то надо было иметь бы всегда под рукою Гогарта, который один мог бы изобразить эти жалкие лица, их странные одежды, их смешные кривляния, их удивление при всем и на все. К сожалению, во всем этом была сущая правда. Я и другие мои товарищи и некоторые из образованных гостей прозвали многих из сказанных антиков, как например «дупельшнепом» (по носу), кого «Соломон Соломоновичем» (по его глупейшим суждениям) кого «перепелом» (по его внезапным крикам)... и т. п.

Вся прислуга князя и при его лице, и при его доме всегда одета была не иначе, как в белых галстуках, в белых камзолах и во фраках, а лакеи — в ливрейной, гербовой, княжеской форме; вся она обращалась вежливо и с достоинством. Сам князь никогда не обедывал в сюртуке и не любил, кто надевал его, даже вне его дома. Вечером гости собирались к князю пить чай и слушать музыку, которая почти редкий вечер не давала концерты на ка-

ком-либо инструменте; эти концерты давались и стариками и молодыми их учениками; один из стариков превосходно играл на скрипке, другой — на виолончели, третий — на флейте, четвертый на гобое, пятый — на волторне, а сам капельмейстер — на скрипке и кларнете. Таким образом шла почти ежедневно жизнь при князе. Здесь он ежедневно являлся во всем блеске дворянина, т. е. жил более не для себя, как для дворянства своего уезда, которое всегда видело в нем и государственного сановника, и радушного хозяина и представителя своего и благодетеля. Не мне говорить о тех неисчисленных благах, которые, несомненно, проистекали бы, если бы дворяне, каждый сообразно значению своему в обществе и средствам своим поступали бы только для одной общей пользы, нисколько не заботясь о своих и для себя прибытках. Но этого трудно дождаться.

Чтобы закончить о качествах, которые имел князь в отношении дворянина, помещика, должен я прибавить ежегодный бюджет его расхода, который здесь изображаю, как могу вспомнить и показать:

Главноуправляющий имением	7 000 р. ассигн.
Главный правитель конторы .	1 200
Вотчинный бухгалтер	1 000 чиновн.
Контора:	
Полиция в усад. { полицеймейстер . .	600
{ помощник его . . .	200
При главной вотчинной конторе:	
Архивариус, помощники бухгалтера и по шести человек писцов на всех	1 000 креп. люди
Доктор при князе от 8 до 12 тыс., в средн.	10 000
Вотч. штаб-лекарь	2 000
Госпиталь:	
Фельдшеры, ученики, лаборанторщики, рабочие на всех .	500 креп. люди
Садовник немец	200
При князе:	
Француз	3 000
Русский, секретари	2 000 чиновн.
Вроде чиновника особых поручений	5 000 чиновн.
Берейтор англичанин	1 000
Архитектор	1 500
Жалованье .	38 600 р.
Содержание, считая и жалованье, в Орле дома, комиссионера, с прислугой и расходами	2 000
Садоводство с рабочими . . .	5 000
Трех камердинеров и мальчиков	2 500
Метрдотели и до 8 чел. поваров и учеников	2 000
Вотчина госпит. и аптека . .	3 000
Фабрики: кружев., швейн. и ковры.	2 000

Строительн. часть (средн. чис.)	15 000	
Мастерские и мастер	2 500	
Музыка и певчие (без жалов.)	300	
Содержание дворовых, кроме прислуги	4 000	
Приказчики, писцы по имению, кроме главной конторы . . .	5 000	
	43 300	
На стол князя, считая круглый год, с винами и дессертами, застольной прислуги . , ...	70 000	
На наем дома в С.-Петербурге с дровами	15 000	
На экипаж, лошадей и корм их в С.-Петербурге, на ежегодный приезд из С.-Петербурга в Орловское имение	15 000	
На гардероб людей, на освещение	10 000	
	110 000	
Всего . .	191 900	

Здесь не включены те суммы, которые бы составились от того хлеба, масла, кож, сукна и пр. домашних приготовлений, кои все расходовались на содержание дворовых

Примечание. В эту массу не могло поступить по неопределительности, как-то:

а) Уплата долгов капиталами

в) Уплата одних процентов

с) Непредвиденные расходы, как-то:

1. Покупка хлеба для семян и прокормления крестьян

2. Покупка заводских лошадей, на строительную часть и

3) Вспомоществование бедным, на подарки дочери и другие непредвиденности, на все это смело можно положить от 300 до 400 р. в год — 350 000

541 000 в год.

Этот эскизный счет может подтвердиться тем, что в один год князь, живши в Орловском имении, проживал в месяц, как мне то случилось знать, с уплатою процентов и долгов до 50 тыс. ассигн., следовательно до 600 тыс. в год. Но жить в С.-Петербурге и жить в деревне — разница. Следовательно, без ошибки можно сказать, что князь средним числом проживал в год на нынешние деньги до 200 тыс. руб. серебром и эта сумма не будет преувеличена. Но как бы то ни было, а он жил уже несколько десятков лет так скромно, что никаких не давал в Петер-

бурге балов, обедов, кроме обычной и приличной его сану жизни; и для той не мог иметь средств, ибо всегда занимал и платил старые долги, а потому получавшегося с имения дохода недоставало на покрытие расходов; к тому ж рыбная аренда была в большом расстройстве: она прежде или с самого начала приносила им с братом Александром Борисовичем до 500 тыс. р. ассигн., но как они оба много лет не платили в казну процентов, которые составили впоследствии огромную сумму, то с аренды сей весьма малый получался доход, как за уплатой процентов, так из-за понижения цен за содержание оной, смотря по лову рыбы, которая не всякий год одинакова. К тому же князь имел долги непредвидимые для него: зять его граф Николай Иванович Зотов (отец жены военного министра Чернышева, Елизаветы Николаевны) вздумал когда-то взять на откуп несколько городов для продажи в них пивы. Князь, разумеется, поручился за него, и когда кончилась операция, то князь должен был заплатить за графа более 500 тыс. руб. К тому же дочь его (покойная), бывшая за Салтыковым, имела приватных детей, им князь дал имя, звание, наградил их, это ему стоило более 300 тыс. руб. Сын его (покойник), не имевши своего состояния, наделал долгов посредством актрисы m-me Жорж и карт, тоже более 500 тыс. руб. Другая дочь его (т. е. гр. Зотова) сама и две дочери ее жили, ездили в чужие края, воспитывались все на счет князя, ибо хотя эта дочь имела вотчину, данную ей в приданое, но князь ежегодно помогал ей и ее мужу, что составляло в год до 60 тыс. руб. Теперь покупка в неурожайные голодные годы хлеба на семяна и для прокормления крестьян и для винокуренных заводов: в иные годы [вотчинное правление] делало операцию закупки хлеба в 200 тыс. руб. Таковые огромные траты невольным образом вводили князя делать и те займы, кои он должен был расходовать для одного только своего существования и поддержания имени своего знаменитого рода, приобретенного титула. Впоследствии он перезаложил все свое имение на 37 лет в банк. Если к этому прибавить, что по управлению имением он был совершенно несчастлив, как от действий природы, так и от действий им неудачно выбираемых людей: например, его уверили в пользе завести суконную фабрику, и она принесла ему убытку 150 тыс. руб. Он старался улучшать конный завод, и оный ничего более не доставлял ему, как значительного денежного убытка; одним словом, нигде и ни в чем не имел и не видел приращения, кроме расходов, убытка и огорчения.